

М.Н. МУХАНОВА

СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ

Аннотация. Исследование неформального сектора и занятости в нем сельского населения, представленное в статье, опирается на базу данных Росстата, полученную в 2011–2015 годах в результате обследования домохозяйств и индивидов по заказу Правительства РФ. Методом интервью опрошено сельское население в возрасте от 16 лет в девяти федеральных округах, в том числе Крымском ФО. Переход к рынку в 1990-е годы сопровождался ростом безработицы, бедности, появлением разных форм самозанятости. Выявлено, что снижение уровня занятости сельского населения в сельском хозяйстве и рост в других отраслях аграрно-промышленного комплекса (АПК) обусловили отраслевую мобильность, трансформацию социальной структуры села и образование неформального сектора, в котором треть занятых составили селяне. Занятость в неформальном секторе связана с немалыми рисками, что делает аграрный рынок труда как институт рыночной экономики во многом нестабильным. Несмотря на то, что неформальный сектор отличается примитивным технологическим уровнем, низкой капиталоемкостью, невысоким человеческим капиталом, тем не менее он компенсирует издержки социального развития российского села, поглощая трудовые ресурсы, которые вне этого сектора, возможно, остались бы не у дел.

Ключевые слова: структура занятости сельского населения; рынок труда; отрасли АПК; неформальный и формальный секторы; социально-профессиональная структура; домохозяйства; образование; удовлетворенность трудом; доходы.

Для цитирования: Муханова М.Н. Структура занятости сельского населения в неформальном секторе // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 2. С. 74–95. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5161

Российская экономика вступила в период, когда цены на нефть упали, а последовавшие ослабление рубля и финансовые санкции привели государство, экономические институты к попыткам минимизировать риски, исходящие от рынков, которые невозможно контролировать. По мнению чиновников и экспертов, сегодня рост экономики во многом стал определяться развитием сельского хозяйства. Аграрный сектор отнесен к стратегическим отраслям не только

Муханова Мария Николаевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Крижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 128-91-05.

Электронная почта: mukhanova_m@rambler.ru

как важный ресурс продовольственной безопасности, но и как сфера производства с широкими возможностями применения новейшей технологии и создания новых рабочих мест. Контрсанкции, направленные на ограничение импорта продовольствия, а также беспрецедентные субсидии сделали сельское хозяйство в России выгодным бизнесом.

Экономическая стагнация 2013 г. и резкие социально-экономические изменения, произошедшие в стране во второй половине 2014-го, кризис 2015 г. актуализировали проблему неформальной занятости в сельском хозяйстве и в целом в АПК. Поэтому важно проследить, каково было состояние рынка труда на селе, каковы его характеристики с точки зрения социально-экономического положения, а также каковы модели адаптации селян на этом рынке. Важными представляются оценки масштабов, состава, особенностей неформального сектора в АПК и перспективы развития занятости в сельском хозяйстве.

Занятость в неформальном секторе изначально наблюдалась преимущественно в слаборазвитых странах и странах с переходной экономикой, где доминируют бедность и высокий уровень безработицы. В современном мире занятость в неформальном секторе — распространенное явление. Ее характерные особенности — нацеленность работников на выживание, а не накопление капитала, незащищенность трудовых прав, отсутствие формального договора с работодателем. Образование сектора неформальной занятости сельского населения в трансформирующемся российском обществе стало частью процесса институционализации рыночной экономики в аграрном секторе в 1990-е годы. Переход к рынку сопровождался ростом безработицы, бедности, появлением разных форм самозанятости. Поэтому проблемы сельского рынка труда сегодня выходят на передний план.

В рамках методологии Международной организации труда (МОТ) неформальный сектор и неформальная занятость как категории — не синонимы. Каждая из них несет свою смысловую и содержательную нагрузку. Трактовка этих понятий сопряжена с немалыми методологическими трудностями. Становление данных феноменов и их операционализация как социально-экономического процесса на рынке труда подробно отражены в работах С.А. Барсуковой [3], З.Т. Голенковой, Ю.В. Голиусовой [9], В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой [7], О.В. Синявской [26], Л.А. Семеновой [27], Д.О. Стребкова, А.В. Шевчука [28], Ж.Т. Тощенко [30], О.М. Шкаратана, В.В. Карачаровского, Е.Н. Гасюковой [33].

Согласно положениям 15-й Международной конференции статистики труда (1993 г.), неформальный сектор рассматривается шире — как совокупность производственных единиц, занятых производством товаров и услуг, где работники обеспечены рабочими местами и доходами [26, с. 7]. Как правило, эти производственные единицы слабо технологически оснащены и имеют низкую рентабельность.

В России занятые в неформальном секторе определяются как «лица, которые в течение обследуемого периода были заняты по меньшей мере в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. Критерием определения единиц неформального сектора принято отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица» [11, с. 90]. По данным нашего обследования, занятые в неформальном секторе структурируются по следующим признакам: 1) работающие на предприятии индивидуального предпринимателя, семейном предприятии; 2) работающие в фермерском хозяйстве (ФХ), главы которых зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица; 3) предприниматели без образования юридического лица (ПБОЮЛ); 4) работающие по найму у физических лиц — индивидуальных предпринимателей; 5) работающие на индивидуальной основе; 6) работающие в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции [11, с. 90].

Значимость исследования состоит в том, что оно показывает специфичность периода трансформации российского села, когда уходят традиционные формы хозяйствования, исчезают привычные контуры социальной структуры и вместе с ними крестьянский дух и образ жизни. Это и определяет основные гипотезы исследования.

Концентрация и уровень занятости сельского населения в производственных отраслях — главные характеристики и основа изменений в социальной структуре села. Внутри нее наблюдаются существенные различия между социальными группами (образование, условия найма, профессиональная занятость, доходы), то есть она детерминирована социально-экономическими издержками развития АПК и экономики в целом. Структурную мобильность в отраслях АПК и изменение численности занятых в различных видах экономической деятельности обуславливает потребность в рабочей силе. На образование неформального сектора также влияют поселенческая инфраструктура, уровень региональной безработицы, миграционные потоки и др.

Трансформация социальной структуры, возникновение новых форм на рынке труда обусловили непостоянство, нелинейный характер не только занятости, но и повседневной жизни крестьян, что вызвало значимые социокультурные и ценностные изменения в их ментальности и образе жизни. По словам З. Баумана, «неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой... она разделяет, вместо того чтобы объединять. В условиях, когда занятость становится краткосрочной, лишается четких перспектив, остается мало шансов для укоренения и укрепления взаимной лояльности и солидарности» [2, с. 30–31]. Процесс индивидуализации разрывает старые связи внутри сельских локальных сообществ, порождает новые

модели отношений, основанные на рационализации и распаде старых коллективных идентичностей.

Анализ занятости сельского населения в неформальном секторе основан на данных Росстата. Первое — «Комплексное наблюдение условий жизни населения» — обследование домохозяйств и проживающих в них лиц проведено Росстатом в 2011 и 2014 гг. во всех субъектах РФ. В 2011 г. методом интервью опрошены 5763 сельанина от 16 лет и старше, проживающие в 2835 сельских домохозяйствах. В 2014 г. сельская выборка была увеличена и составила 34 596 сельан, проживающих в 17 820 сельских домохозяйствах, в 85 субъектах РФ в девяти Федеральных округах, в том числе Крымском ФО¹.

В качестве вспомогательного материала для анализа использовалось обследование домохозяйств «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах», проведенное Росстатом в 83 регионах страны во всех федеральных округах. В 2012 г. в обследовании участвовали 5800 индивидов в возрасте от 16 лет, проживающих в 2754 сельских домохозяйствах. В 2015 г. сельская выборка была увеличена и составила 32 498 респондентов в возрасте от 16 лет, проживающих в 13 344 домохозяйствах². Для анализа применялись индикаторы, характеризующие социальные группы домохозяйств и сельский рынок труда: статус занятости, доходы, отношение к труду и т. д. Эти обследования проводились по заказу Правительства РФ, что говорит о надежности контроля и репрезентативности результатов. Также было использовано ежеквартальное «Обследование населения по проблемам занятости» 2005–2015 гг.³ и предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проведенной в 2016 г.⁴

Социально-территориальное неравенство в российском обществе выражается в том, что жизненно важные ресурсы распределены неравномерно, их потоки сосредотачиваются в столицах и крупных городах. Российские сельские поселения в большинстве своем к таким территориям не относятся. Производственная локализация и замкнутость

¹ Массивы с результатами обследования Росстат разместил на своем официальном сайте в конце января 2016 г. (см.: URL: <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html>). Данные для вторичного анализа обработаны автором на SPSS.

² Массивы с результатами этого обследования Росстат полностью разместил на своем официальном сайте в марте 2017 г. (см.: URL: <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html>). Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS.

³ См. на сайте Росстата: URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766>.

⁴ См.: Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 г. Предварительные итоги. URL: <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2016/VSHP-2016.pdf>.

сельских поселений часто приводят к их экономической отсталости, слабости. И даже в том случае, когда в сельском поселении находится крупное транснациональное или российское предприятие, например агрохолдинг, это не означает, что селяне будут востребованными на этом рынке труда. Социальное пространство, по П. Бурдьё, «может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала» [5, с. 41]. Ресурсы территории обуславливают деятельность людей, дают возможность для реализации их потенциала или создают для этого препятствие. Оценка территории «привлекательная / непривлекательная» исходит из наличия ресурсов и объективируется в потоках миграции. Таким образом, одно из проявлений неравенства состоит в том, что в разных частях пространства есть различные шансы превращения ресурсов в капитал [13].

Условимся понимать занятых в неформальном секторе на российском селе как одно из проявлений неравенства и рассматривать их как страту депривированных и бедных слоев в социальной структуре, «где в качестве элементов выступают социальные институты, социальные группы и общности разных типов» [32, с. 53].

Отраслевая занятость работников неформального сектора АПК

Работники неформального сектора АПК неоднородны по составу отраслевой занятости. В сельском хозяйстве неформальный сектор представлен самозанятыми селянами, у которых основное место работы — это личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и крестьянско-фермерское хозяйство (КФХ). Они имеют статус фермеров или индивидуальных предпринимателей и используют семейные и местные ресурсы для производства и реализации продукции.

ЛПХ делятся на два типа: занятые производством продукции, предназначенной для собственного конечного потребления и для полной или частичной реализации. Последние как товарные производители являются основной структурой занятых в отрасли сельского хозяйства в неформальном секторе и составляют 20–22%. Органами статистики они учитываются как экономически занятые, хотя большинство из них не имеют статуса индивидуального предпринимателя. По мере роста доходов и изменения состава населения их число сокращается. По данным Росстата, в 2015 г. по сравнению с 2009 г. сократилась численность занятых в товарных ЛПХ на 16%, потребительских — на 14%. Согласно сельхозпереписи 2016 г., численность ЛПХ увеличилась по сравнению с данными 2010 г. с 14,8 до 15 млн единиц. Их рост обусловлен тем, что численность КФХ сократилась вдвое: за рассматриваемый период они были вынуждены перейти в статус ЛПХ.

В постсоветский период эта форма хозяйствования стала условием выживания и основным видом занятости для большинства сельского населения. В социальной структуре современной сельской России в ЛПХ самозанятые составляют большую социальную группу —

более трети от всех занятых. Иными словами, самозанятые, в терминах Дж. Голдторпа, те, кто не продает свою рабочую силу и не покупает чужую, образуют одну из ключевых составляющих социально-структурных процессов в российском селе.

Несмотря на то, что удельный вес ЛПХ как низкотоварного и потребительского сектора сокращается, в 2015 г. на него приходилось 38,4% производства продукции сельского хозяйства. В фермерских хозяйствах объем производства составил 10,8%. Таким образом, в совокупности сектор малых форм хозяйствования обеспечивает более 49% объема валовой продукции сельского хозяйства [19, с. 5].

Другая группа, занятая в неформальном секторе в отрасли сельского хозяйства, — фермерские хозяйства. По данным сельхозпереписи 2016 г., их более 136,6 тыс. единиц. По прогнозам экспертов и чиновников Минсельхоза, фермерские хозяйства, имеющие сильную мотивацию к сельскохозяйственному труду, с самого начала проявили себя как высокопроизводительные, эффективные и оцениваются как динамичная, перспективная структура и будущее АПК [20].

Тем не менее ежегодно количество фермерских хозяйств в стране снижается. По данным сельхозпереписи 2016 г. по сравнению с данными 2010 г. их численность уменьшилась почти на половину (46%). Возможно, методом естественного отбора на поле производства сельхозпродукции остаются самые сильные. По мнению экспертов, деньги, выделяемые на сельское хозяйство, в том числе на импортозамещение, идут в банки и крупные корпорации. 20 сельскохозяйственных олигархов получают 95% господдержки. Остальные 5% делят между собой более 52 тыс. сельхозорганизаций (бывшие колхозы и совхозы), 27 тыс. микропредприятий и более 216 КФХ. В этой ситуации особенно сложно фермерам, поэтому они не выдерживают конкуренции и вынуждены уходить, в основном в ЛПХ [1, с. 2]. Выделяемые правительством гранты настолько незначительны, что вряд ли помогают фермерам развивать хозяйство [17].

Другая наиважнейшая проблема — это земля. Независимо от специализации хозяйства земля — основа деятельности фермера. Она находится в частной собственности, в руках хозяев, которые в трудные времена скупили земельные паи за бесценок у крестьян и сдают их фермерам в аренду. Они могут в любой момент отказать в аренде земли, уже обработанной фермером, или продать ее. По этой причине, например, в Краснодарском крае в одном из сельских муниципальных образований находятся десятки заброшенных ферм [18]. Остроту вопроса показали августовские 2016 года события — акции кубанских фермеров, пытавшихся привлечь внимание Москвы к проблемам захвата земли, обмана пайщиков, коррупции, концентрации земли в руках чиновников, судей и владельцев агрохолдингов. Правда, министр сельского хозяйства А. Ткачев не увидел нарушений в решении земельного вопроса на Кубани: «Все документы подтверждают правомерность передачи земель фермерам агрохолдингам» [29].

Отсутствие гарантий из-за слабости законодательных и институциональных норм по землепользованию сельскохозяйственного назначения и решению других проблем (например погектарных субсидий) — основной тормоз в развитии фермерских хозяйств.

Важно отметить, что если доля селян, занятых в неформальном секторе в сельском хозяйстве, снизилась с 67,6% в 2006 г. до 48,0% в 2015-м, то их занятость в несельскохозяйственных отраслях — торговле, ремонте авто-мототранспортных средств, бытовых изделий, в строительстве, транспорте и связи — растет. Сопоставление показателей занятости по отраслям в формальном и неформальном секторах в 2012 и 2015 годах (табл. 1) позволяет сделать вывод, что в сельском хозяйстве более высокий уровень занятости демонстрируют работники неформального сектора, хотя их численность значительно снизилась по сравнению с предыдущим периодом, и только каждый пятый работает в сельском хозяйстве. Причиной, возможно, стал отток в формальный сектор или миграция.

Таблица 1

Отраслевая занятость сельского населения по секторам АПК в 2012 и 2015 гг., % от числа ответивших

Отрасли агропромышленного комплекса	Вид сектора занятости на основной работе			
	формальный		неформальный	
	2012	2015	2012	2015
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство	15,1	17,2	33,0	23,7
производство, включая энергетику	15,7	16,3	8,8	12,0
строительство	6,1	5,6	7,1	14,7
торговля, ремонт, гостиницы и рестораны, транспорт и связь	17,3	13,1	41,8	40,8
финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом	5,4	5,8	5,8	4,7
государственное управление и обеспечение военной безопасности	11,2	9,4	–	–
образование	15,6	18,2	–	0,4
здравоохранение и предоставление социальных услуг	9,7	10,0	–	0,6
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,6	4,3	2,5	2,2
прочая деятельность	0,2	0,1	1,0	0,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Росстат, «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах», 2012 и 2015 гг.

В несельскохозяйственных отраслях неформального сектора велика доля занятых в сфере обслуживания, торговле, транспорте, связи — почти втрое больше доли занятых в формальном секторе. Увеличилась более чем в два раза по сравнению с предыдущим периодом и доля работников в строительстве. В целом же доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых селян ежегодно сокращается. В 2015 г. она составляла 20,5%, тогда как в 2009 г. — 24,2% [21].

Если рассматривать показатель занятых в неформальном секторе по федеральным округам, то традиционно он существенно выше в Северо-Кавказском, Южном, Поволжском, Сибирском, Северо-Западном округах, где развито сельское хозяйство и есть значимые производственные аграрные потенциалы. В 2015 г. по сравнению с 2012 г. их численность заметно увеличилась, особенно в ЮФО, СЗФО, СибФО, УФО. Зато в СКФО на 11,0% снизился уровень неформальной занятости. Высокий уровень занятости сельского населения в неформальном секторе (40%) демонстрирует Крымский федеральный округ.

На изменение численности неформального сектора влияет региональная безработица. Наиболее высокий ее уровень наблюдался в СКФО — 33,5%, ПФО, СФО — по 16,8%, ЦФО — 9,0%, ЮФО — 7,2%. Анклавами по уровню безработных по-прежнему остаются республики Ингушетия (46,3%), Чечня (26,1%) и Тыва (29,7%) [10, с. 15]. По всей вероятности, фактическая численность безработных выше, так как политика и условия регистрации в центрах занятости состоят в том, чтобы побудить их самостоятельно искать работу, назначив им минимальное пособие [31, с. 88–89]. Сравнительно высокий уровень занятости сельского населения в неформальном секторе, особенно среди молодежи и лиц среднего возраста, с этой точки зрения можно объяснить трансляцией социальных издержек в неформальный сектор из формального.

Занятость сельского населения в структурах неформального сектора

Судя по распределению работающих селян в структурах неформального сектора (табл. 2) и оценке основного места работы по качественным характеристикам, в 2014 г. 70% занятых составляли наемные работники. Самой крупной является структура по найму у физических лиц — индивидуальных предпринимателей, ее доля по сравнению с предыдущим периодом существенно выросла.

По сравнению с 2011 г. значительно сократилась численность занятых на предприятиях индивидуального предпринимателя, семейном предприятии. Внутри этой группы большинство занятых (77,5%) работают в качестве наемных работников за зарплату и вознаграждение.

В фермерском хозяйстве доля наемных работников составила 75%, в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица — 28%.

Таблица 2

Занятость сельского населения на основной работе в структурах неформального сектора в 2011 и 2014 гг., % от числа ответивших

Занятые в структурах неформального сектора	Годы	
	2011	2014
на предприятии индивидуального предпринимателя, семейном предприятии	40,3	30,0
в фермерском хозяйстве	9,2	8,2
в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица	5,9	6,0
по найму у физических лиц индивидуальных предпринимателей	30,4	39,0
на индивидуальной основе	10,3	13,0
в собственном домохозяйстве по производству товаров, продукции	3,9	3,8
Итого	100,0	100,0

Источник: Росстат, «Комплексное наблюдение условий жизни...», 2011 и 2014 гг.

Сопоставление показателей занятости по условиям найма демонстрирует, что в формальном секторе практически каждый работник принят на постоянную работу (92,0%), а в неформальном секторе — только каждый второй (48,6%). На основе устной договоренности без оформления гражданско-правового договора работали более трети работников неформального сектора (36%), в формальном — лишь единицы. Если рассматривать условия найма по профессиональной структуре, то большинство в неформальном секторе работает на основе устной договоренности, без оформления, а значит, без каких-либо социальных гарантий — квалифицированные рабочие (41,5%), неквалифицированные рабочие (38%) и работники сферы обслуживания (16%).

Таким образом, работники неформального сектора являются наиболее уязвимой социальной группой с точки зрения соблюдения трудовых прав. Основная причина состоит в том, что индивидуальный предприниматель как работодатель обязан выплатить налог не только за себя, то есть с доходов предпринимательской деятельности, но и за каждого работника — единый социальный налог, ставка которого составляет 35,6%. Большинству предпринимателей недоступны кредиты и различные ресурсы, что не позволяет им соблюдать нормы трудового законодательства, тем более в условиях российского села. Подтверждением тому является следующий факт: Роструд в 2015 г.

по РФ выявил 3,87 млн человек, состоящих в нелегальных трудовых отношениях с работодателями [24].

Рассмотрим набор субъективных показателей селян, характеризующих содержание выполняемой ими работы в соответствии с полученной специальностью. Большинство работающих в структурах неформального сектора (от 58 до 70,5%) работают не по специальности. В формальном секторе таких насчитывается почти половина (48%). Фермеры (91,5%) или работники по найму у физических индивидуальных предпринимателей (86,5%) не получали специальной профессиональной подготовки для выполнения нынешней работы. Только половина работающих в неформальном секторе имеют навыки или квалификацию для выполнения более сложной работы.

Изменения, произошедшие в сфере образования в 1990-х годах, сделали высшее образование легкодоступным, что повлекло резкое снижение численности обучающихся на рабочих высокой квалификации. Среди работников неформального сектора только каждый десятый (10,7%) имеет высшее образование, что в два раза ниже, чем в формальном секторе (24,0%). Каждый третий из них имеет начальное профессиональное образование, каждый четвертый — среднее общее или среднее профессиональное образование. Сравнительно невысоким уровнем образования и профессиональных навыков работников неформального сектора определяются условия их работы с низким уровнем безопасности. Поэтому в неформальном секторе большинство работающих характеризуют свою работу как тяжелую и средней тяжести (76%), более половины (55%) — как опасную, связанную с нервным напряжением и воздействием вредных производственных факторов. Четверть работников неформального сектора ищут подходящую работу с хорошей зарплатой, на 35 часов в неделю. При этом понимают, что найти такую работу будет сложно.

Межсекторное сопоставление возрастных показателей занятых значительных различий не обнаруживает. Доля молодежи (16–29 лет) больше в неформальном (19,5%), чем в формальном секторе (15%). Каждый второй занятый в обоих секторах принадлежит к средней возрастной категории (30–49 лет). Зато показатели селян старшей возрастной группы (50 лет и более) выше в формальном секторе (35,8%), чем в неформальном (29,2%).

Почти две трети занятых в неформальном секторе — мужчины (64%). В формальном секторе они составляют около половины — 48%. Высокая доля мужчин в неформальном секторе обусловлена тем, что большинство из них — квалифицированные и неквалифицированные рабочие. Женщины в основном работают в бюджетных организациях — в образовании, здравоохранении, этим и объясняется их высокий уровень занятости в формальном секторе — 52%.

За годы реформ миграционный отток и естественная убыль населения отразились на численности опустевших сельских населенных пунктов: из 153 тыс. сел и деревень 20 тыс. — без населения, 36 тыс. — исчезли [8, с. 8–9]. В России еще с советского периода население стягивалось к городам и концентрировалось в крупных селах; размер населенного пункта определял инфраструктуру, развитость экономических и социальных институтов и уровень современных рабочих мест (16, с. 52–53). Это обуславливало состав и структуру населения, его человеческий капитал, критерием которого служила численность молодежи, пенсионеров и других возрастных групп.

Анализ данных показывает, что большинство селян, занятых в неформальном и формальном секторах, проживают в населенных пунктах с численностью 1001–5000 человек (42,5%), четверть — с численностью более 5 тыс. человек (25%), треть работников живут в селах с численностью 201–1000 человек (32%). Очевидно, что сложившийся сельский рынок труда с низкой зарплатой и высоким уровнем сельской безработицы (12,1 против 5,8% по РФ), где и территориальные ресурсы по месту жительства ограничены, обуславливает маятниковое передвижение. Поэтому более трети работников неформального и формального секторов не работают по месту своего жительства, а временно пребывают в другом населенном пункте. Подтверждает наши данные тот факт, что регулярно, почти ежедневно, используют муниципальный или коммерческий транспорт в равной доле (по 42%) работники обоих секторов. Большинство работников неформального (84%) и формального (74%) секторов добираются до работы на собственном автомобиле.

Интересно выяснить, есть ли среди селян, занятых в неформальном секторе, стабильное ядро. Более трети из них имеют трудовой стаж до 10 лет, в формальном секторе их существенно меньше (25%). Понять, работали ли они в течение этого периода только в неформальном секторе, сложно, поскольку данная переменная измеряла общий трудовой стаж. Вероятнее всего, некоторые из них работали в течение 10 лет и в формальном секторе. Более одного года работали 94,5% занятых в неформальном секторе, в формальном секторе таких 97,5%.

Социально-профессиональная структура занятых в неформальном секторе

Межсекторный анализ социально-профессиональной структуры показывает закономерности изменения в социально-структурных процессах на селе, их сходство и различия. Для анализа внутригруппового профессионального распределения был использован Общероссийский классификатор занятий ОК 010-2014 (МСКЗ-08), разработанный Министерством труда и социальной защиты РФ (табл. 3)

Таблица 3

**Профессиональная структура занятых по секторам в 2011 и 2014 гг.,
% от числа ответивших**

Профессиональная структура	Вид сектора занятости на основной работе			
	формальный		неформальный	
	2011	2014	2011	2014
руководители (представители) органов власти и управления всех уровней	4,3	5,6	2,5	3,6
специалисты высшего уровня квалификации	19,4	18,4	2,2	6,0
специалисты среднего уровня квалификации	16,7	17,6	3,4	5,0
работники, занятые подготовкой информации, оформлением документов	5,0	3,6	0,7	0,9
работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйств	9,5	9,8	25,2	21,3
квалифицированные работники сельского хозяйства, промышленных предприятий	16,8	13,1	24,9	23,0
операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	10,2	15,7	16,1	16,5
неквалифицированные рабочие	16,6	16,2	24,6	23,7
вооруженные силы	1,5	–	0,4	–
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: «Комплексное наблюдение условий жизни...», 2011 и 2014 гг.

В 2014 г. модальными профессиональными группами в неформальном секторе были квалифицированные (23,1%) и неквалифицированные рабочие (23,7%). Если рассмотреть внутригрупповое распределение квалифицированных рабочих, то большинство из них — это представители строительных специальностей (9,7%) — каменщики, кровельщики, плиточники, штукатуры-маляры, сварщики, электрики, плотники, а также работники различных промышленных предприятий — швеи, пекари и проч.

Квалифицированные сельскохозяйственные рабочие (6,0%) представлены в основном фермерами различных профилей по производству сельскохозяйственной продукции, полеводцами, овощеводами и товарными производителями личных подсобных хозяйств. Среди них отсутствуют такие важные сельскохозяйственные профессии, как дояры, пастухи и др.

Неквалифицированные рабочие в основном заняты как разно-рабочие на строительных объектах (3,0%) и на сельскохозяйственных работах (6,0%) — это грузчики, извозчики, сборщики овощей, фруктов, а также домашняя прислуга, уборщики и прислуга в гостиницах и др.

Следующая крупная профессиональная группа в неформальном секторе — работники торговли и сферы обслуживания. В групповом

распределении значительные доли работников мелкой розничной торговли — уличных торговцев, продавцов палаток и рынков (11,7%), магазинов (3,2%), работников общественного питания (2,8%) и бытового обслуживания (2,2%).

Профессиональная группа машинистов установок и машин в основном представлена водителями автотранспорта и операторами подвижной техники. В этой группе основную часть составляют водители легковых автомобилей, такси (9,2%), грузового автотранспорта (3,5%), тракторов, комбайнов, уборочных машин (2,5%).

Профессионалы с высшим образованием в неформальном секторе составляют 6,0%, что существенно больше, чем в 2011 г. Значительную долю в этой группе составляют бухгалтеры, экономисты, инженеры, механики, агрономы, ветеринары, врачи различных профилей, учителя, юристы, программисты, священники.

В структуре специалистов со средним специальным образованием (5,0%) доминируют работники бухгалтерии, кассиры банков, электрики, механики, операторы различных оборудований, мастера (бригадиры) промышленных предприятий, экспедиторы, медработники, фармацевты, воспитатели, работники спорта и фитнес-клубов, сферы культуры, офис-менеджеры, целители, служащие церкви.

Группа работников, занятых подготовкой информации и документов, включает секретарей, офисных служащих, операторов ПК.

В структуре руководителей органов власти и управления всех уровней неформального сектора (3,6%) доминирует группа директоров небольших предприятий оптовой и розничной торговли, общепита (1,6%), хотя в формальном секторе их значительно меньше. Далее по численности следуют директора предприятий досуга, здоровья, директора небольших предприятий и руководители отделов в сельском хозяйстве, руководители отделов предприятий строительства, обрабатывающей промышленности.

Анализ данных свидетельствует об институциональных и структурных изменениях на сельском рынке труда. Аграрное производство перестает быть главным источником занятости сельского населения, что и обусловило рост занятости селян в несельскохозяйственных отраслях в неформальном секторе.

Степень удовлетворенности работой и зарплатой занятых в неформальном секторе

Для понимания формирования механизмов субъективных оценок и настроений селян, у которых работа является основополагающей ценностью, большое значение имеет анализ индивидуальных и групповых различий, особенно в условиях, когда занятость становится краткосрочной, работа является временной и низкооплачиваемой. Говоря словами З. Баумана, «трудовая жизнь насыщается неопределенностью»

[2, с. 30]. Согласно исследованию, половина работников неформального сектора обеспокоены ненадежностью работы, и по сравнению с предыдущим периодом уровень их беспокойства существенно вырос.

Более половины работников в двух секторах не удовлетворены своей зарплатой. В 2015 г. средняя номинальная зарплата работника неформального сектора составила 10 тыс. руб., медиана — 8700 руб., то есть 50% из них имели зарплату до уровня медианы. Это ниже, чем у работника в формальном секторе, соответственно — 16 тыс. руб., медиана — 13 тыс. руб. Средний и медианный уровни зарплат работника неформального сектора практически не превышают прожиточного минимума работающего, который составил в 2015 г. 10 187 руб. в месяц [22]. По данным Росстата, средняя зарплата селянина в 2015 г. составляла 19 455 руб. Это почти в два раза ниже средней зарплаты по экономике в целом (33 278 руб.) [12]. Показатели средней зарплаты и ее медианный уровень у работников двух секторов далеки от среднего показателя как по отрасли, так и по экономике, то есть доходы подавляющего большинства населения смещены в область очень низких зарплат.

Если рассматривать зарплату по отраслям, то ее низкие показатели в 2015 г. наблюдались в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания, где более чем у половины работников неформального сектора она не превышала 7500 руб., что даже не покрывало прожиточный минимум работающего человека (10 187 руб.). В формальном секторе сельского хозяйства и сферы обслуживания столь низкую зарплату получали значительно меньшие доли работников — 26 и 20% соответственно.

В чем же причина низкой доходности, что отражается на зарплате селян, в каких звеньях системы идут сбои? Несмотря на то, что ежегодно выделяется большая господдержка, она практически не отражается на ключевом показателе — рентабельности аграрного производства. За последние 10 лет объем финансирования аграрной отрасли из федерального бюджета увеличился в 12,5 раза и составил 1325 млрд руб. [23, с. 3].

По мнению экспертов, это прежде всего диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, которая изымается из результатов крестьянского труда, и зарплата почти вдвое занижена по сравнению со средней по экономике [4, с. 10]. Вместе с тем в некоторых сельсоветах зарплата руководителей составляет главную часть всего поселкового бюджета. Рядовые зоотехники, инженеры, механизаторы и рабочие были лишь статистами при выведении среднего показателя зарплаты [14, с. 2].

Степень надежности и размер зарплаты являются производными факторами всех остальных показателей уровня удовлетворенности работой. Они ниже у работников неформального сектора по сравнению с формальным: степень удовлетворенности выполняемыми обязанностями (67 и 77%), условиями труда (60 и 71%), режимом работы (72 и 83%); моральное удовлетворение (61 и 69%); профессиональное удовлетворение (55 и 64%).

Материальное и финансовое положение домохозяйств работников неформального сектора

Резкий рост доли выплат государства в доходах россиян произошел в 2010 г. Это 30-процентное повышение пенсий с последующей индексацией на фоне гораздо более медленного роста зарплат, что на несколько лет создало большую зависимость доходов населения от бюджета. С 2014 г. регионы, столкнувшись с серьезными проблемами, начали сокращать социальные выплаты или прекращать их индексацию. При этом наблюдаются различия в оплате труда по регионам [15, с. 37–38].

Рассмотрим совокупные доходы домохозяйств в 2015 г. Каждое пятое домохозяйство в неформальном секторе (как и в формальном) имели доходы за месяц до 11 тыс. руб., то есть на уровне прожиточного минимума (10 187 руб.) или ниже. Большинство из них — домохозяйства неквалифицированных рабочих.

Доходы 11–21 тыс. руб. в обоих секторах имели треть домохозяйств. Среди них семьи работников сферы обслуживания, неквалифицированных рабочих. Другая половина домохозяйств имели совокупные доходы более 21–34 тыс. руб. Если сопоставлять домохозяйства двух секторов по численности и составу, то каждое шестое как неполная семья с детьми до 18 лет имело доходы ниже или на уровне прожиточного минимума. Каждое пятое домохозяйство — супружеская пара с детьми до 18 лет — имело совокупные доходы всего лишь до 20 тыс. руб.

Анализ данных показывает, что самые низкие доходы — до 7500 руб., не покрывающие даже минимального прожиточного минимума на работника, наблюдались в каждом пятом домохозяйстве, занимающемся производством продукции; в шестом — у фермеров; в десятом — у работающих по найму у физических лиц. В России под официальное определение бедности попадает население с доходами ниже прожиточного минимума. Более половины домохозяйств имели доходы до 20 тыс. руб., то есть лишь до двух прожиточных минимумов. В целом эти группы домохозяйств, непосредственно производящих сельхозпродукцию, имеют низкие доходы по сравнению с другими группами. Домохозяйства с доходом около 30 тыс. руб. имеют более половины работников, занятых на предприятии индивидуального предпринимателя или семейном предприятии, в сфере ПБОЮЛ и работающие на индивидуальной основе.

Судя по материальному положению домохозяйств работников неформального сектора, многих из них можно отнести к бедным слоям населения, как это демонстрируют данные. Так, для представителей более трети домохозяйств затруднительно купить одежду и оплачивать ЖКХ, а для половины домохозяйств невозможно позволить себе товары длительного пользования. Среднемесячная оплата ЖКХ в октябре–декабре 2015 г. для сельских домохозяйств составила 3350 руб. Треть домохозяйств за услуги ЖКХ платила более 4 тыс. руб. (30%), из них 15% — более 5 тыс. руб.

По данным обследования, структура приоритетов отражает доминирование ценностей выживания, 65% домохозяйств держат личные подсобные хозяйства. Основными источниками поступления доходов в домохозяйствах селян являются зарплата (57,5%), пенсии всех видов (61,5%), доходы от ЛПХ (46%), денежные субсидии, компенсации (28%), помощь родственников (15%).

Низкий уровень комфортности проживания на селе влияет на миграционные настроения молодежи. За последнее десятилетие из сельской местности выбыло 42% жителей в возрасте 15–29 лет. В 2011 г. был самый массовый исход молодежи из села — ее доля составила более 58% (411 тыс. чел.) [25, с. 22–23].

Выросло целое поколение сельской молодежи и селян среднего возраста в условиях расцвета массовых коммуникаций и потребительского общества. Культивируемые гедонистические и консьюмеристские ценности влияют на их отношение к сельскому образу жизни, который вызывает у них отчуждение. Зачарованные возможностями большого города выпускники сельскохозяйственных вузов остаются там, в сельскую местность, согласно данным кадрового мониторинга Тимирязевской сельхозакадемии [15, с. 32], возвращаются лишь 3%.

Следует отметить, что ценности рыночной экономики — прагматизм и рационализм — разрушают традиционный уклад жизни селян, активно идет процесс индивидуализации, особенно среди молодых людей, социализированных в этих условиях. Наблюдается утрата традиций соседского общения и взаимопомощи, на что «указывают некие существенные сдвиги, происшедшие в нынешней деревенской жизни, когда человеческие связи рвутся и распадаются. И в труде, и в соседском общении, и в быту», — как отмечает В.Г. Виноградский [6, с. 147–148]. Видимо, это — об исчезновении духа односельчан, основанного на связях близких людей, который формировал ментальность и культуру многих поколений крестьян и обозначал сельское социальное пространство. Таким образом, происходит распад старых коллективных идентичностей, свойственных социальным отношениям на селе.

Идея экономического скачка в АПК, где будут создаваться новые технологии, популярна и в правительстве, и в экспертном сообществе. Все вышесказанное говорит о том, что существующие проблемы на селе являются препятствием, ограничением для развития его экономических, трудовых и капитальных ресурсов.

Заключение

Исследование неформального сектора, в котором задействована треть сельского трудоспособного населения, выводит на проблему качества государственных институтов и их влияния на социально-экономическое развитие села и страны в целом.

По данным исследований Росстата, половина рабочих мест, предлагаемых в отрасли сельского хозяйства и АПК в целом, оплачиваются в размере прожиточного минимума трудоспособного населения или ниже. Треть работников неформального сектора работают, временно пребывая в другом населенном пункте. При этом 50% хозяйств испытывают дефицит рабочих кадров и уровень безработных здесь самый высокий, особенно среди мужчин молодого и среднего возраста.

Анализ данных обследования индивидов и их домохозяйств показывает, что уровень удовлетворенности работника неформального сектора формируется в зависимости от того, каким человеческим капиталом он обладает и насколько его квалификация, специализация, знания и умения имеют спрос на сельском рынке труда.

Самооценки удовлетворенности различными сторонами работы ниже у работников неформального сектора. Занимаемое ими положение в социальной структуре является не только объективным, но и в силу сложившихся условий вполне добровольным. Основная их часть представляется наиболее депривированной категорией сельского населения, для которой занятость является средством выживания. В этом отношении заметных или ярко выраженных различий между работниками формального и неформального секторов в анализируемый период не наблюдается.

Несмотря на то, что неформальный сектор отличается примитивным технологическим уровнем, низкой капиталоемкостью, невысоким уровнем человеческого капитала, отметим и его позитивную функцию. Занятость в неформальном секторе сельского хозяйства — в ЛПХ и фермерских хозяйствах — и распространение ее в несельскохозяйственных отраслях (в сфере обслуживания, на транспорте, в строительстве и др.) на селе создают условия для того, чтобы компенсировать издержки социального развития российского общества. Неформальная занятость поглощает трудовые ресурсы, которые за пределами этого вида занятости могли бы остаться не у дел. На наш взгляд, в наличии неформального сектора заключается одно из объяснений причин относительной социальной стабильности российского села.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акулова О.* Нефть на хлеб не намажешь // *Сельская жизнь* 2015. № 16. С. 2.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. — 325 с.
3. *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // *Социологические исследования*. 2012. № 2. С. 31–39.
4. *Буздалов И.* Теоретические основы формирования эффективной системы аграрных отношений // *АПК: экономика, управление*. 2014. № 2. С. 3–14.

5. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
6. Виноградский В.Г. Конец «живого беспорядка» // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 137–153.
7. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. — 535 с.
8. Глуценко Е.К. Земле — кормилице с поклоном. Дискуссия аграриев в Общественной палате // Сельская жизнь. 2015. № 11. С. 8–9.
9. Голенкова З.Т., Голицова Ю.В. Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. С. 121–138.
10. Доклад об устойчивом развитии сельских территорий РФ. Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. М., 2015 // Официальный сайт Ассоциации крестьянских (фермерских) и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР) [электронный ресурс]. Дата обращения 15.04.2016. URL: <<http://www.akkor.ru/sites/default/files/doklad.pdf>>.
11. Занятость в неформальном секторе // Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014. Стат. сборник. М.: Росстат, 2014. — 143 с.
12. Заработная плата в сельском хозяйстве в 2015 г. // Официальный сайт Росстата [электронный ресурс]. Дата обращения 22.09.2016. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/>.
13. Ильин В.И. Российская глубинка как социологическая категория // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Всероссийской социологической конференции. РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. — 1 CD ROM.
14. Моргун А. Россияне узнали о зарплатах губернаторов // Сельская жизнь. 2016. № 22. С. 2
15. Муханова М.Н. Сельская молодежь России: настоящее и будущее // Россия и современный мир. 2015. № 3. С. 26–42.
16. Муханова М.Н. Трансформация социально-профессиональной структуры российского села (1994–2009 гг.) // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 47–55.
17. На выделенные гранты фермерам не купить даже техники // Polit.ru [электронный ресурс]. Дата обращения 01. 03. 2016. URL: <http://polit.ru/news/2016/03/01/farms_com/>.
18. Нас тормозит земельный вопрос. Почему фермеры не могут накормить страну. Официальный сайт Аргументы и факты [электронный ресурс]. Дата обращения 22.12.2015. URL: <http://www.aif.ru/money/economy/nas_tormozit_zemelnyy_vopros>.
19. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2015 г. М.: Росстат, 2016. — 65 с.
20. Плотников В.Н. Экономическая эффективность и социальная значимость семейных фермерских хозяйств // АККОР [электронный ресурс].

- Дата обращения 17.04.2016. URL: <<http://www.akkor.ru/statya/64-vystuplenie.html>>.
21. Показатели производства сельскохозяйственной продукции и удельный вес малых форм хозяйствования за 2009–2013 годы. Официальный сайт АККОР [электронный ресурс]. Дата обращения 22.12.2015. URL: <<http://www.akkor.ru/analitika-i-obzory-27.html>>.
 22. Прожиточный минимум в 2015 г. Официальный сайт Росстата [электронный ресурс]. Дата обращения 06.09.2016. URL: <http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d06/53.htm>.
 23. Рыбаков А. Доходность — основа успеха // Сельская жизнь. 2015. № 48. С. 3.
 24. Роструд отчитался о расчистке теневого рынка труда Официальный сайт [электронный ресурс]. Дата обращения 17.10.2016. URL: <<http://polit.ru/news/2016/10/09/rostrud>>.
 25. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 2011 г.: Научное издание / Отв. за доклад Д.И. Торопов. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2012. Вып. 13. — 260 с.
 26. Синявская О.В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. М.: Поматур, 2005. — 55 с.
 27. Семенова Л.А. Домашние работники в системе наемного труда // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3. С. 94–114.
 28. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. 2015. № 1. С. 72–100.
 29. Ткачев связал марш фермеров на Москву с выборами. Официальный сайт Polit.ru [электронный ресурс]. Дата обращения 03.10. 2016. URL: <http://polit.ru/news/2016/10/02/farmer_voting/>.
 30. Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13
 31. Черныш М.Ф. Социальная политика и рынок труда // Наемный работник в современной России / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. — 368 с.
 32. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: ИД ВШЭ. — 526 с.
 33. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

Дата поступления: 08.10.2016.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2017. VOL. 23. NO. 2. P. 74–95. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5161

M.N. MUKHANOVA

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Mariya N. Mukhanova — Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Address: 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (499) 128-91-05. **Email:** mukhanova_m@rambler.ru

THE EMPLOYMENT STRUCTURE OF RURAL INHABITANTS IN THE INFORMAL ECONOMY

Abstract. The study presented in this article — which is a study of rural employment in the informal economy — relies on data from the following surveys of households and individuals — “Comprehensive monitoring of the population’s living conditions” and “Selective monitoring of income and participation in social programs”, both carried out by Rosstat in 2011–2015 and commissioned by the Russian government. Rural residents ages 16 and up were interviewed in every region of the 9 Federal districts, including the Crimean Federal district. It is revealed that the transition to a market economy during the 1990’s was accompanied by increasing unemployment and poverty, transformations in the labor market, and the emergence of various forms of self-employment. A decrease in the level of rural inhabitants employed in farming, together with an increase in other fields of the agro-industrial complex (AIC), lead to sectoral mobility (relocation), the transformation of rural social structure, and the development of an informal sector, one third of those employed in which are rural residents. Employment in the informal economy is quite a risky endeavor, which in many ways makes the agrarian labor market unstable as a market economy institution. However, despite the informal sector being characterized by a primitive level of technology, low capital-intensity, as well as low levels of human capital, nevertheless, it compensates the expenses of Russian village social development by way of absorbing labor resources, which, had they ended up outside of this sector, might have stayed out of business.

Keywords: rural population employment structure; labor market; agricultural sectors; the informal and formal sectors; socio-professional structure; households; education; satisfaction with labor; income.

For citation: Mukhanova M.N. The employment structure of rural inhabitants in the informal economy. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 74–95. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5161

REFERENCES

1. Akulova O. You will not spread oil on bread. *Sel'skaya zhizn'*. 2015. No. 16. P. 2. (In Russ.)
2. Bauman Z. Individualized Society. [Russ. ed.: Individualizirovannoe obshchestvo. Transl. from Eng.; Ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Logos publ., 2002. 325 p.]
3. Barsukova S.Yu. Informal economy: Concept, study history, research approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012. No. 2. P. 31–39. (In Russ.)
4. Buzdalov I. Theoretical foundations of the formation of an effective system of agrarian relations. *APK: Ekonomika, upravlenie*. 2014. No. 2. P. 3–14.
5. Bourdieu P. Sociology of Politics [Russ. ed.: *Sotsiologiya politiki*. Transl. from French and ed. by N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos publ., 1993. 336 p.]
6. Vinogradsky V.G. The end of “living disorder”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 3. P. 137–153. (In Russ.)
7. *V teni regulirovaniya: Neformal'nost' na rossiiskom rynke truda*. [In the shadow of regulation: Informality on the Russian labor market.] Ed. by V.E. Gimpelson, R.I. Kapelyushnikov. Moscow: Izdatel'skiy dom HSE publ., 2014. 535 p. (In Russ.)

8. Glushchenko E. To the ground with a bow. Discussion of agrarians in the Public Chamber. *Sel'skaya zhizn'*. 2015. No. 11. P. 8–9. (In Russ.)
9. Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. Prekaryat as a new phenomenon in the modern social structure. *Naemnyi rabotnik v sovremennoi Rossii*. Ed. by Z.T. Golenkova. Moscow: Novyi khronograf publ., 2015. P. 121–138. (In Russ.)
10. Report on sustainable development of rural areas of the Russian Federation. Council under the President of the Russian Federation on the implementation of priority national projects and demographic policy. Moscow, 2015. *Assotsiatsiya krest'yanski-kh (fermerskikh) khozyaistv i sel'skokhozyaistvennykh kooperativov Rossii (AKKOR)*. Accessed 04.15.2016. URL: <<http://www.akkor.ru/sites/default/files/doklad.pdf>>. (In Russ.)
11. Employment in the informal sector. *Ekonomicheskaya aktivnost' naseleniya Rossii (po rezul'tatam vyborochnykh obsledovaniy)*. 2014. *Statisticheskii sbornik*. Moscow: Rosstat publ., 2014. 143 p. (In Russ.)
12. *Wages in agriculture in 2015*. Federal Service of Statistics. Accessed 22.09.2016. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/>. (In Russ.)
13. Il'in V.I. Russian outback as a sociological category. *Sociology and Society: Global challenges and regional development. Materials of the IV Russian Sociological Conference. ROS, IS RAS, AS of RB, ISPI*. Moscow: ROS publ., 2012. 1 CD ROM. (In Russ.)
14. Morgun A. The Russians learned about the salaries of governors. *Sel'skaya zhizn'*. 2016. No. 22. P. 2. (In Russ.)
15. Mukhanova M.N. Rural youth of Russia: the present and the future. *Rossiia i sovremennyyi mir*. 2015. No. 3. P. 26–42. (In Russ.)
16. Mukhanova M.N. Transformation of the social and professional structure of the Russian village (1994–2009). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012. No. 1. P. 47–55.
17. On allocated grants to farmers not to buy even technical. *Polit.ru*. Accessed 01.03.2016. URL: <http://polit.ru/news/2016/03/01/farms_com/>. (In Russ.)
18. We are hampered by the land issue. Why farmers can not feed the country. *Argumenty i fakty*. Accessed 22.12.2015. URL: <http://www.aif.ru/money/economy/nas_tormozit_zemelnyy_vopros>. (In Russ.)
19. *Osnovnye pokazateli sel'skogo khozyaistva v Rossii v 2015 g.* [The main indicators of agriculture in Russia in 2015.] Moscow: Rosstat publ., 2016. 65 p. (In Russ.)
20. Plotnikov V.N. Economic efficiency and social importance of family farms. *Official site of AKKOR*. Accessed 17.04.2016. URL: <<http://www.akkor.ru/statya/64-vystuplenie.html>>. (In Russ.)
21. Indicators of agricultural production and the proportion of small forms of management in 2009–2013. *Official site of AKKOR*. Accessed 22.12.2015. URL: <<http://www.akkor.ru/analitika-i-obzory-27.html>>. (In Russ.)
22. Subsistence minimum in 2015. *Official site of Rosstat*. Accessed 06.09.2016. URL: <http://www.gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d06/53.htm>. (In Russ.)
23. Rybakov A. Profitability is the basis of success. *Sel'skaya zhizn'*. 2015. No. 48. P. 3. (In Russ.)
24. Rostrud reported on clearing the shadow labor market. *Official site of Rostrud*. Accessed 17.10.2016. URL: <<http://polit.ru/news/2016/10/09/rostrud>>. (In Russ.)
25. *The state of the of the rural social and labor sphere and proposals for its regulation. Annual report on monitoring results. 2011: Scientific publication*. Vol. 13. Moscow: FGBNU “Rosinformagrotekh” publ., 2012. 260 p. (In Russ.)
26. Sinyavskaya O.V. *Neformal'naya zanyatost' v sovremennoi Rossii: izmerenie, masshtaby, dinamika*. [Informal employment in modern Russia: measurement, scale, dynamics.] Moscow: Pomatur publ., 2005. 55 p. (In Russ.)

27. Semenova L.A. Home workers in the system of wage labor. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2015. No. 3. P. 94–114. (In Russ.)
28. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Labor trajectories of self-employed professionals (freelancers). *Mir Rossii*. 2015. No 1. P. 72–100. (In Russ.)
29. Tkachev tied the farmers march on Moscow with the election. *Polit.ru*. Accessed 03.10.2016. URL: <http://polit.ru/news/2016/10/02/farmer_voting/>. (In Russ.)
30. Toshchenko Zh.T. Prekariat is a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 6. P. 3–13. (In Russ.)
31. Chernysh M.F. *Social policy and labor market. Naemnyi работник v sovremennoi Rossii*. Ed. by Z.T. Golenkova. Moscow: Novyi khronograf publ., 2015. 368 p. (In Russ.)
32. Shkaratan O.I. *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'*. [Sociology of Inequality. Theory and Reality.] Moscow: ID VShE publ. 526 p.
33. Shkaratan O.I., Karacharovskii V.V., Gasyukova E.N. Prekaryat: Theory and empirical analysis (on the materials of surveys in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 12. P. 99–110. (In Russ.)

Received: 08.10.2016.
